

П. Г. Ширяева

ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ НЕКОТОРЫХ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ТРАДИЦИЙ

(ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТ «ВПЕРЕД» И «ПРОЛЕТАРИЙ»)

На рубеже XIX—XX вв. в результате подъема массового пролетарского движения в России в быт рабочего класса стали входить новые обычаи и обряды¹, отражавшие растущее революционное сознание рабочих. Укрепление и развитие их шло под руководством и при непосредственном участии социал-демократических организаций.

1905 год, когда рабочие России впервые вступили в ожесточенную схватку с самодержавием, определил дальнейшее развитие новых явлений в быту русского пролетариата, и прежде всего таких форм его массовых выступлений, как маевка, демонстрация, гражданские похороны.

I

На следующий день после «Кровавого воскресенья» В. И. Ленин писал: «С головокружительной быстротой догнали широкие рабочие массы своих передовых товарищей, сознательных социал-демократов... Лозунгом рабочих стало: смерть или свобода!»². Изменение самосознания русского пролетариата наложило отпечаток и на его быт, в частности на характер празднования дня Первого мая. Газеты «Вперед» и «Пролетарий», обстоятельно освещая на своих страницах первомайские события, обращали особое внимание на участие в празднике широких масс населения.

Несмотря на то, что в 1905 г., как и в прежние годы, Первое мая отмечалось нелегально, что на подавление маевок были брошены полицейские и воинские отряды, для майских выступлений, происходивших в черте городов и за их пределами, избирались, как правило, наиболее людные места: в Москве — Сокольники, район Даниловского монастыря, Грузинский народный дом, Марьяна роща; в Петербурге — Большой проспект Васильевского острова, Невский проспект; в Саратове — Парусиновская роща; в Твери — Жолтиковская роща; в Костроме — бульвар и Русиновская роща; в Ярославле — Городской и Казанский бульвары. В Самаре, Саратове, Нижнем Новгороде, Екатеринославле, Ростове, Новороссийске, Риге и других городах Первого мая происхо-

¹ Подробнее о них см. П. Г. Ширяева. Из истории становления революционных пролетарских традиций, «Сов. этнография», 1970, № 3.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 9, стр. 178.

дили многолюдные митинги. В дачной местности Екатериноконтиненталь под Ревелем, близ императорского дворца, во время обычного гуляния собрались до 3000 человек и с песнями двинулись к городу³. В Ярославле и Казани в день Первого мая была организована маевка на лодках. «Из лодок образовалась целая флотилия, были выкинута красные флаги, пелись революционные песни...», — сообщалось в корреспонденции из Ярославля⁴. Демонстрацию на лодках провели и казанские рабочие: «Первого мая ст. стиля была общая маевка... Место собрания — на разливе реки Волги и доступ только на лодках. По окончании собрания публика произвела маленькую «морскую демонстрацию», двинувшись в 31 лодке вниз по течению с красными знаменами и пением наших песен. Так доехали до весенних пристаней, где знамена были убраны. По дороге раздавали на пароходы, лодки и плоты майские прокламации, которые всеми брались нарасхват, так что их не хватило для всех желающих»⁵.

«Пролетарий» сообщает о первых в истории Кавказа массовых маевках, в которых участвовали не только рабочие, но и сельские жители. В эти дни на улицы вышло более 80 тысяч человек. «Политические стачки и майские празднества, имевшие до сих пор место только в городах и промышленных центрах, теперь перекинулись у нас и в деревни и нашли здесь вполне готовую почву. Суббота и воскресенье (30 апреля и 1 Мая) были объявлены комитетом днями празднования маевки, — сообщает корреспондент Имеретинско-Мингрельского комитета РСДРП. — Небывалое зрелище представляли деревни в эти два дня. Все работы были прекращены; дома были пусты. По всем проселочным дорогам и шоссе тянулись бесконечные пестрые толпы крестьян, женщин и детей в праздничных нарядах. Пение Марсельезы оглашало воздух и разносилось далеко-далеко по окрестностям... По недостатку сил митинги были устроены в восьми районах... Это был настоящий международный праздник...»⁶.

Время проведения маевки определялось местными комитетами РСДРП. Так, в Риге она состоялась в ночь с 30 апреля на 1 мая⁷, большей же частью маевки происходили днем Первого мая, а иногда по требованию рабочих переносились на другие дни. Так, например, арматурщики Екатеринославского завода сообщали: «Так как 1 мая было воскресенье, то по обыкновению в этот день завод не работает. Но нам желательно отпраздновать в рабочий день. И мы бросили работу 2 мая»⁸. Местные комитеты РСДРП нередко использовали в целях популяризации дня Первого мая даже религиозные праздники. Так, по сообщению газеты «Пролетарий», во многих деревнях Тверской губернии демонстрации проходили в пасхальные дни, совпадавшие с первомайским праздником. В корреспонденции назывался ряд деревень, где на сходках присутствовали как фабричные, уроженцы деревни, так и коренные деревенские жители. На таких сходках рассказывалось о значении майского праздника, поднимались вопросы, связанные с крестьянскими нуждами, говорилось о значении вооруженного восстания, о необходимости созыва учредительного собрания и организации времен-

³ О праздновании Первого мая см.: «Пролетарий», 27 (14) мая, 3 июня (21 мая), 9 июня (27 мая), 17 (3) июня 1905 г.

⁴ «Пролетарий», 3 июня (21 мая) 1905 г. В этом же номере есть сообщение о «демонстрации» на лодках группы учащихся Ярославля.

⁵ Там же, 17 (3) июня 1905 г.

⁶ «Пролетарий» 26 (13) июня 1905. На первомайских митингах, организованных Тверским комитетом РСДРП, присутствовало много крестьян (см. «Пролетарий» 17(3) июня 1905 г. Характерно, что корреспонденты называют те же деревни Тверской губ., где происходили демонстрации и в канун первой русской революции (см. П. Г. Широкова. Указ. раб.).

⁷ «Пролетарий», 3 июня (21 мая) 1905 г.

⁸ Там же, 17 (3) июня 1905 г.

ного правительства. «Фабричная и деревенская молодежь проходила по улицам со знаменем и революционными песнями»⁹.

Иногда в дни религиозных праздников проведение демонстрации приурочивалось к окончанию церковной службы. Так, большая майская демонстрация состоялась 9 мая в слободе Никола Малица (Тверская губ.). В этот день здесь всегда устраивался крестный ход по случаю перенесения иконы из монастыря, расположенного в слободе, в город. По окончании крестного хода начался митинг, организованный комитетом РСДРП, после которого по требованию рабочих была устроена демонстрация.

«Было поднято красное знамя. Запели „Дружно, товарищи, в ногу“. Двинулись в слободу. За знаменем сначала шло человек 200, но толпа быстро возрастала». Спустя некоторое время после выступления оратора собравшиеся запели песни и «медленно прошли по слободе и обратно к роще. Здесь толпа уже превышала тысячу человек. Пели русскую „Марсельезу“ и „Дубинушку“. Особенно хорошо выходило „Дружно, товарищи в ногу“»¹⁰.

Большую роль в подготовке празднования Первого мая играла партийная печать. Среди населения широко распространялись прокламации и листовки политического характера, в том числе и прокламация «Первое мая», написанная В. И. Лениным¹¹, а также специальные издания революционных стихов и песен, приуроченные к 1 Мая¹².

Обязательным атрибутом первомайских демонстраций было красное знамя. Во время столкновений с полицией оно бережно охранялось, а порой и отвоевывалось у вооруженных полицейских¹³.

Праздничное шествие всегда сопровождалось пением революционных песен (чаще других пели «Смело или дружно, товарищи, в ногу», «Варшавянку», «Марсельезу», «Дубинушку»), провозглашением лозунгов «Да здравствует Первое мая!», «Да здравствует демократическая республика!», «Долой самодержавие», «Да здравствует социал-демократическая партия!».

На празднование Первого мая 1905 г., как и на любой народный праздник, трудящиеся приходили в нарядной одежде. На маевки, собрания, гуляния, митинги, демонстрации они надевали свои лучшие костюмы, те, которые береглись для самых торжественных случаев.

Для первомайского праздника традиционным стал красный цвет. То был не только красный флаг, поднятый над головами демонстрантов, или красные платки на шеях. В Риге, например, рабочие пришли на майский праздник в красных шапочках, а работницы — в красных передничках. Лодки ярославских и казанских демонстрантов, плывшие по Волге, были украшены красными лентами и флагами¹⁴.

II

Демонстрация как одна из форм массовой пролетарской борьбы приобрела особое значение в период революции 1905 г. Обычно демонстрации сочетались с целым рядом других форм массовой борьбы: стачками, митингами, сходками.

Газеты «Вперед» и «Пролетарий» широко освещали стачечное движение и массовые демонстрации, которые «соединяясь одно с другим

⁹ «Пролетарий», 17 (3) июня 1905 г.

¹⁰ Там же.

¹¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 10, стр. 81—84.

¹² См., например: «На Первое мая», изд. Московского комитета РСДРП, июль 1905 г.; «На Первое мая», изд. ЦК РСДРП, 1905 г.; «На Первое мая», Тифлис, 1905 г.; «На 1-е Мая», изд. Харьковского комитета РСДРП: «Песни на 1-е мая», «Пролетарий», 3 июля (20 июня) 1905 г.

¹³ См. многочисленные свидетельства корреспондентов с фабрик и заводов, обнародованные в газете «Пролетарий» за 1905 г.

¹⁴ «Пролетарий», 17 (3) июня 1905 г.

в различных формах и по различным поводам, росли вширь и вглубь, становясь все революционнее, подходя все ближе и ближе на практике ко всенародному вооруженному восстанию, о котором давно говорила революционная социал-демократия»¹⁵.

Митингам как новой мобильной форме массовых выступлений газета «Пролетарий» посвятила специальную статью «Народные митинги в Петербурге». «Какая выдержка царствует у тысячной толпы рабочих на этих митингах! — писал автор статьи. — Можно было бы подумать, что мы уже давно живем свободной политической жизнью! Громадный зал битком набит, люди стоят на подоконниках, наваливаются на спины впереди стоящих. Слушают с напряженным вниманием, не шелохнувшись, несколько часов подряд... По окончании митинга, пропев „Марсельезу“, „Варшавянку“ и пр., расходятся группами с праздничными лицами, оживленно обсуждая слышанное и условливаясь звать новых товарищей на следующие митинги... Наблюдая митинги как в учебных заведениях, так и на заводах, оценивая настроение масс и рост их сознательности, нельзя не воскликнуть с радостью: «Волна растет, растет, растет; близок решительный час!»¹⁶.

О том, как различные формы массовых выступлений перерастали одна в другую, поднимаясь на более высокую ступень, свидетельствуют многочисленные примеры. «От обычного загородного агитационного собрания с песнями и красным знаменем, — сообщала газета «Пролетарий», — рабочие Лодзи перешли через манифестацию к демонстрации, к всеобщей стачечной борьбе и к баррикадам (в первый день на похоронах убитых русских рабочих демонстрировало 20 000 человек, во второй — на похороны убитых еврейских рабочих собралось до 70 000 человек)»¹⁷.

Одним из наиболее распространенных средств борьбы русского пролетариата стала массовая политическая стачка. Из номера в номер газета «Пролетарий» публиковала сведения о массовых стачках и демонстрациях, переходящих порой в вооруженные столкновения с полицией. В заметке из Николаева сообщалось о многочисленных собраниях и стачках на отдельных заводах. «Эту неделю можно назвать началом революции в Николаеве», — писал корреспондент газеты. Вот как он описывает проведение одного из рабочих собраний: «Представьте себе такую картину. Ясная лунная ночь, тихо катит река свои волны, недалеко видны лачуги слободки. На гористом берегу реки в котловине с резкими очертаниями собралась масса людей: были старики, женщины, дети. Толпа покрывала дно котловины, поднимаясь до самых острых краев ее. Оратор говорил о демократической республике. Толпа, сидевшая вокруг оратора, вдруг подымается, как один человек, и из груди этой толпы раздается единодушный крик: «Долой царя, да здравствует С. Д. Раб. Партия!» Говорили потом еще рабочие. Один предложил делать сборы на оружие, чтобы готовиться к вооруженному восстанию»¹⁸.

Весьма показателен рассказ о всеобщей забастовке (3—26 июля) в Костроме, разбудившей политическое сознание костромского пролетариата. В информации корреспондента Ф. Ивановского ярко раскрываются сложные условия борьбы костромских социал-демократов за влияние в массах. На р. Костромке собиралось ежедневно до 5 тыс. человек. Кроме того, каждый вечер происходили социал-демократические массовки, на которые приходили до 500 человек. «Последние дни масса с

¹⁵ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 9, стр. 252.

¹⁶ «Пролетарий», 16 (3) ноября 1905 г.

¹⁷ «Пролетарий», 3 июля (20 июня) 1905 г. См. также заметку в газете «Вперед» 8 марта (23 февраля) 1905 г. о столкновении с полицией участников массовки в г. Мелитополе 15 января 1905 г.

¹⁸ См. «Пролетарий», 3 июля (20 июня); 2 августа (20 июля), 16 (3) августа.

большим вниманием слушала на Костромке речи ярко политического содержания. Озлобление рабочих на царское правительство, на его опричнину, казаков и полицию росло с каждым днем». Подчеркивая рост политического сознания рабочих-костромичей, поднимавшихся уже не только против владельцев фабрик, но и против царизма, Ф. Ивановский приводит фрагмент сатирической песни, ставшей среди рабочих очень популярной:

«Нагайка, ты, нагайка,
Тобою лишь одной
Романовская шайка
Сильна в стране родной»¹⁹.

О росте политического сознания рабочих-костромичей свидетельствует и рассказ о том, как они «отбили» у казаков своих товарищей, арестованных после проведения социал-демократической массовки.

Широкому развитию массовых выступлений на различных промышленных предприятиях способствовала пролетарская солидарность. Обе газеты — «Вперед» и «Пролетарий» приводят многочисленные материалы, рассказывающие о взаимной поддержке рабочих и убедительно свидетельствующие о единстве пролетариата во время стачек и забастовок. В развитии пролетарской солидарности великую историческую роль сыграли такие события, как 9 января 1905 г., восстания в армии и на флоте, всероссийская стачка, баррикадные бои рабочих ряда промышленных районов.

Демонстрация в период первой русской революции, являвшаяся одной из форм массовой борьбы пролетариата, дожила до наших дней. Она стала элементом всех праздников революционного календаря, вошла в общественный быт народов социалистических стран и стала могучим средством борьбы трудящихся всего мира, отстаивающих свою свободу и независимость.

III

Массовое пролетарское движение существенно изменило и характер похоронной обрядности у рабочих. В обыденной жизни каждого человека похоронный обряд связывался с комплексом обязательных ритуалов, освященных церковью, а также некоторых элементов дохристианских обрядов. Революция 1905 г. внесла ряд корректив в традиционную похоронную обрядность, сохранившую и в этот период такие традиционные элементы, как отпевание, панихида, поминки. Широкое общественное значение приобрели в 1905 г. похороны жертв революции, зачастую освобожденные от церковного влияния. Обязательными для них стали оповещения о похоронах, торжественные шествия с красными и черными знаменами по самым многолюдным улицам, политические речи, исполнение революционных песен²⁰. Чтобы отдать умершему высшие почести, его прах несли на руках до места захоронения. Весь ритуал был подчинен единой цели: превратить похороны в яркую политическую демонстрацию против самодержавия. Социал-демократическая партия использовала похороны жертв революции для воспитания политической сознательности трудящихся. Этой цели служили и речи ораторов, выступавших на похоронах, и лозунги, и песни, и оформление траурного шествия.

¹⁹ «Пролетарий», 24 (11) октября 1905 г.

²⁰ Пели не только пролетарские гимны и марши, но и траурные песни революционеров-демократов 60-х годов и революционных народников: «Не плачьте над трупами павших борцов», «Вы жертвою пали», «Замучен тяжелой неволей». Мелодия этих песен использовалась также в новых траурных песнях: «Погибшие, братья, вам вечный покой», «Мы мирно стояли перед Зимним дворцом».

В газетах «Вперед» и «Пролетарий» публиковались сообщения о похоронах активных участников революционного движения. Написанные по горячим следам событий, они дают представление о зарождении и укреплении новых элементов похоронного обряда. В корреспонденции газеты «Вперед», посвященной похоронам томского рабочего И. Е. Кононова, отмечалось: «В гробу он лежал в красной рубашке, в венке была красная лента. Речей не было»²¹. В предыдущем номере той же газеты был помещен некролог, посвященный «вечной памяти борца» И. Е. Кононова. В нем прославлялась героическая борьба рабочего класса России и с гневом клеймилось самодержавие за бесчеловечные расправы. Некролог призывал к решительным сражениям против злейшего врага трудящихся — самодержавия. Заканчивался он двумя четверостишиями из популярной в среде революционеров песни И. И. Пальмина «Не плачьте над участью павших борцов, погибших с оружием в руках»²².

О широком участии народных масс в похоронах безвременно погибших участников рабочего движения сообщает в редакцию газеты «Вперед» ее батумский корреспондент: «Недавно на похоронах товарища-рабочего собралась без всяких призывов толпа человек 400; с замечательно стройным пением революционных песен пронесли гроб по всему городу без попов»²³. Как характерную черту обряда корреспондент отмечает полное отсутствие церковного ритуала.

В корреспонденции, присланной из польского города Калиш, сообщалось о критическом отношении рабочих к религиозной обрядности. Похороны товарища, повешенного по доносу шпиона, послужили здесь поводом к грандиозной демонстрации. «С революционными песнями направились толпа через главную улицу на кладбище. Высоко над головами развевалось красное знамя, залитое солнечными лучами. На кладбище священнику не дали говорить, заглушили его слова пением „Красного знамени“. После пения выступил оратор (социал-демократ), который разъяснил перед массой смысл этого застеночного убийства. После погребения толпа демонстративно направились обратно в город»²⁴.

1 апреля 1905 г. питерские текстильщики провожали в последний путь своего товарища по работе Б. И. Винокурова, пользовавшегося большой популярностью на фабрике. Рабочие «на руках понесли тело этой новой жертвы, вопиющей об отмщении, но полиция потребовала, чтобы гроб поставили на дроги. Когда похоронное шествие миновало Литейный мост, рабочие, число которых сильно увеличилось, вновь сняли гроб и несли на руках до самого кладбища»²⁵.

27 февраля 15 тыс. чиагурцев с почестями хоронили своего общего любимца, отчаянного смельчака Шакро Гиунашвили, который, закрыв своей грудью товарища, пал от руки стражника. «Впереди несли 25 венков с развевающимися красными лентами и надписями»²⁶. Еще более торжественно провожали в последний путь революционера-профессионала Сандро — Александра Цулукидзе, скончавшегося 9 июня 1905 г. Корреспондент газеты «Пролетарий» нарисовал яркую картину этих похорон: «При сильном проливном дожде гроб с останками покойного несли на своих плечах главным образом рабочие и крестьяне на расстоянии 25—26 верст от Кутаиси до м. Хони... Десятки венков (их было свыше 80) от кавказского пролетариата и крестьянства; красные знамена, развевавшиеся во главе многотысячной массы; два хора рабочих, певших «Марсельезу» и другие революционные песни; вся эта масса народа, воодушевленно следовавшего с пением за гробом, несмотря на

²¹ «Вперед», 29 (16) марта 1905 г.

²² Там же, 23 (10) марта.

²³ Там же, 28 (15) февраля 1905 г.

²⁴ «Пролетарий», 5 сентября (23 августа) 1905 г.

²⁵ «Вперед», 30 (17) апреля 1905 г.

²⁶ «Пролетарий», 26 (13) июня 1905 г.

грозу и ливень; бесчисленные речи на грузинском, русском и армянском языках, речи рабочих, крестьян, многих других товарищей, все речи оканчивались возгласами: «Долой самодержавие! Да здравствует социализм!», подхватываемыми многотысячной массой... Вот как кавказский пролетариат провожал останки своего товарища борца! Все это невероятно сказочно для читателей, не бывших свидетелями этих исторических похорон»²⁷.

Похороны ближайшего соратника В. И. Ленина, профессионального революционера Н. Э. Баумана, убитого агентом царской охранки 3 ноября 1905 г., взволновали всю рабочую Москву. Гроб с его телом сопровождала 300-тысячная демонстрация.

Неизвестный автор посвятил проводам Баумана стихотворение, изданное в Москве листовкой:

«Знамена... венки... все венки без конца,
Звучат властно гимны свободы,
Рабочий народ провожает бойца,
Погибшего в лучшие годы...
Народ не забудет отважных бойцов,
Ему беззаветно служивших,
И сбросит он тяжесть последних оков,
Отмстит за безвинно погибших».

Существенные изменения претерпел и такой элемент похоронного обряда, как поминки, в частности сорокоуст. В силу традиции на 40-й день после январского расстрела у Зимнего дворца путиловские рабочие, как и рабочие многих других заводов Петербурга, пошли в церковь служить панихиду. Но традиционной панихиды не получилось. Вот как описывает ее газета «Вперед»: «18 февраля, в сороковой день петербургской бойни, на Путиловском заводе, как и на многих других, рабочие потребовали служить панихиду по убитым товарищам. Собралось столько народу, что церковь не вмещала, пришел и пресловутый инженер Смирнов. Бледный, растерянный, стоял он со свечой в руках. Рабочие, видя своего директора, осмелившегося явиться на их демонстративную панихиду, не выдержали и, когда поп стал говорить речь, в которой призывал (на основании евангельских текстов) к тишине и спокойствию, громко начали протестовать криками: „Ты и 9-го был против нас, изменник, ты и 9-го отговаривал нас... Вон! Вон и Смирнов!“ Получился скандал, панихида была прервана. Смирнов, говорят, со страху вытребовал даже войска»²⁸.

Отмечали рабочие и день полугодовщины 9 января. В традиционном похоронном обряде полугодовщина смерти отмечается далеко не всеми. Но полугодовщина со дня расстрела питерских рабочих 9 января отмечалась очень широко. Яркое представление об этих революционных поминках дают корреспонденции, опубликованные в газете «Пролетарий». Так, в одной из них сообщалось, что рабочие Сестрорецкого оружейного завода единодушно провели 9 июля однодневную забастовку. «В 11 часов в соборе была отслужена по требованию рабочих торжественная панихида (присутствовало около 1000 человек). После панихиды рабочие развернули громадные знамена-хоругви (красное с надписью: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“, черное с надписью „Вечная память борцам за свободу“) и с пением „Вы жертвою пали“ и „Рабочей Марсельезы“ двинулись по главным улицам. По дороге говорились речи. Выступали преимущественно ораторы-рабочие. У Сестрорецкого курорта, охранявшегося солдатами Енисейского полка, состоялся митинг, на котором рабочие решили запретить буржуазии в

²⁷ «Пролетарий», 5 сентября (23 августа) 1905 г.

²⁸ «Вперед», 29 (16) марта 1905 г.

этот траурный день устраивать бал-монстр. В 9 часов вечера с траурным знаменем в руках они подошли вновь к курорту и предложили прекратить бал. Началась паника. Публика с ужасом устремилась к выходам. Это было поголовное бегство. Курорт и вокзал опустели мгновенно»²⁹.

Каждый комитет РСДРП, готовясь к полугодовщине 9 января, исходил из общепартийных задач, которые решал в зависимости от местных условий. «Агитация за то, чтобы отдать должное дню 9-го июля,— сообщалось в корреспонденции из Нижнего Новгорода,— шла приблизительно неделю». В кружках, на массовках зрела твердая решимость «возвестить о полугодовщине кровавого дня, как о полугодовщине революции»³⁰. 9 июля состоялся митинг. Среди многочисленных сообщений корреспондентов об этом событии обращают на себя внимание заметки из Сормова, Мурома и Москвы. «Величественное зрелище было, говорится в корреспонденции из Сормова,— Трехтысячная толпа рабочих, над ней 7 красных и черных знамен чуть-чуть колышались в воздухе, звучат речи ораторов.

На этот раз говорили особенно хорошо. Кто был на этом собрании, кто слышал пение „Замучен тяжелой неволей“ этого трехтысячного хора, тот не забудет этого вечера никогда»³¹. 10 июля вечером на луговой стороне Оки, за Муромом, местной социал-демократической организацией была назначена массовка. «Предполагалось почтить память петербургских борцов 9-го января. Собралось человек 200. Тут же возникла мысль устроить демонстрацию... Под звуки „Марсельезы“ отчалил паром. Затем двинулись по улицам. К демонстрации присоединилась масса публики... Вечернюю тишину (было около 10 часов вечера) тихого городка будили мощные звуки свободных песен. По временам толпа останавливалась, и среди тишины раздавались короткие, но резкие и сильные речи, какие умеют произносить только ораторы из рабочих»³².

Отклики рабочих на полугодовщину 9 января были различны, но их объединяла одна общая черта — массовость.

* * *

Первая русская революция «глубоко взрыла почву, выкорчевала вековые предрассудки, пробудила к политической жизни и к политической борьбе миллионы рабочих и десятки миллионов крестьян, показала друг другу и всему миру *все* классы (и все главные партии) русского общества в... действительном соотношении их интересов, их сил, их способов действия, их ближайших и дальнейших целей»³³. На протяжении всего 1905 г. под руководством социал-демократов ленинцев шло упорное и действенное воспитание масс, которое «никогда не может быть отделено от самостоятельной политической и в особенности революционной борьбы самой массы»³⁴. Поэтому естественным было дальнейшее повседневное закрепление в быту рабочих самых разнообразных форм массовых выступлений пролетариата, пролетарских обычаев и обрядов, в значительной мере представлявших собой развитие обычаев и обрядов, зародившихся в предшествующий период массового рабочего движения.

²⁹ «Пролетарий», 9 августа (27 июля) 1905 г.

³⁰ «Пролетарий», 16 (3) августа 1905 г.

³¹ «Пролетарий», 14 (1) сентября 1905 г. В том же номере «Пролетария» обстоятельно описано проведение полугодовщины 9 января рабочими других промышленных городов.

³² Там же, 5 сентября (23 августа) 1905 г.

³³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 31, стр. 12.

³⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 30, стр. 314.